

*Нику,
моему товарищу и компасу*

Содержание

1. Синяя дверь.....	9
2. Дверь в кожаном переплете.....	38
Глава первая, <i>в которой мы знакомимся с мисс Аделаидой Ли Ларсон и повлиявшими на нее событиями.....</i>	87
3. Дверь, ведущая куда угодно.....	112
Глава вторая, <i>в которой мисс Ларсон обнаруживает новые двери, а затем ее след теряется</i>	145
4. Открытая дверь	170
Глава третья, <i>в которой подробнее рассказано о дверях, мирах и словах</i>	203
5. Закрытая дверь.....	232
Глава четвертая, <i>о любви</i>	251

6. Дверь из крови и серебра	272
Глава пятая, <i>о потере</i>	296
7. Дверь из слоновой кости	309
Глава шестая <i>Рождение Джулиана Сколлера</i>	334
8. Дверь из морского мусора	361
9. Дверь в огне	392
10. Одинокая дверь	427
11. Мамина дверь	455
12. Дверь из пепла	477
13. Открытые двери	504
Эпилог. Дверь в дымке	534
 <i>От автора</i>	 541

Синяя дверь

Когда мне было семь лет, я нашла дверь. Полагаю, нужно написать это слово с заглавной буквы, чтобы стало ясно — это не какая-нибудь садовая калитка или обычная дверь, ведущая — совершенно точно — в кухню, отделанную белой плиткой, или из спальни в гардеробную.

Когда мне было семь лет, я нашла Дверь. Ну вот, теперь это слово смотрится гордо и важно. Сама буква «Д» похожа на дверной проем, ведущий в белую пустоту страницы. Может быть, увидев это слово, читатель почувствует, как по его шее пробегают мурашки, будто ему встретилось что-то давно знакомое. Дорогой читатель, ты ничего обо мне не знаешь; не видишь, как я пишу эти строки за столом из желтого дерева, а соленый ветерок листает страницы, словно

ищет оставленную в книге закладку. Ты не видишь шрамы, исчертившие мою кожу. Ты даже не знаешь моего имени. (Меня зовут Янв́арри Сколлер. Ну вот, теперь тебе известно кое-что обо мне — я сама испортила собственный аргумент.)

Но ты знаешь, что означает слово Дверь. Может, ты даже сам встречал такую — слегка приоткрытую трухлявую дверцу в старой церкви или блестящую новенькую дверь в кирпичной стене. Если ты принадлежишь к тем мечтателям, которых все время влечет в какие-нибудь неожиданные места, то тебе, возможно, доводилось пройти через такую дверь и очутиться в поистине неожиданном месте.

Или, может, ты ни разу в жизни не видел никаких Дверей. Их теперь осталось не так уж много.

Но ты все равно знаешь об их существовании, верно? Потому что на свете найдется десять тысяч историй про десять тысяч Дверей и все они известны нам не хуже, чем наши собственные имена. Они ведут в Страну эльфов и в Вальхаллу, в Атлантиду и в Лемурию, в Рай и в Ад — в общем, туда, куда не найти дороги по компасу, — в *иные* места. Мой отец, настоящий ученый — в отличие от меня, девушки с пером в руках, которая просто хочет изложить свои мысли, — объясняет все это намного лучше: «Если представить, что истории похожи на места археологических раскопок, и тщательно изучить их, снимая слой за слоем, то на каком-нибудь уровне непременно обнаружит-

ся дверь — граница между “здесь” и “там”, “мы” и “они”, между повседневным и волшебным. Когда открываются эти двери, когда объекты проникают из одного мира в другой — именно тогда рождаются истории».

Он никогда не писал слово «дверь» с заглавной буквы. Но, наверное, у ученых не принято позволять себе такие вольности просто для красоты.

Стояло лето тысяча девятьсот первого года — хотя на тот момент этот набор цифр ничего для меня не значил. Оглядываясь назад, я вижу преисполненный собственной важности год, покрытый золотом надежд нового века. Словно старую шкуру, он сбросил всю суету и беспорядочность предыдущего столетия — войны, революции и неустроенность, трудности, которые преодолевали растущие империи, — и теперь повсюду, куда ни посмотри, царили мир и процветание. Мистер Дж. П. Морган недавно стал богатейшим человеком в мировой истории; королева Виктория наконец почилла вечным сном, оставив огромную империю своему царственному отпрыску; Боксерское восстание в Китае было успешно подавлено, а Кубу взяла под крыло цивилизованная Америка. Разум и рациональность правили бал, на котором не осталось места для волшебства и загадок.

Как оказалось, не нашлось на нем места и для маленьких девочек, порой забредающих за край карты и рассказывающих правду о безумных и невероятных вещах, что существуют *по ту сторону*.

Я нашла ее в глухом уголке на западной окраине Кентукки, как раз в том месте, где очертания этого штата словно окунают пальчик в воды Миссисипи. В таком месте не ожидаешь найти ничего загадочного или хоть сколько-нибудь интересного: это блеклый, неухоженный край, населенный столь же блеклыми и неухоженными людьми. Даже в конце августа солнце здесь печет вдвое сильнее и светит втрое ярче, чем во всей остальной стране. Воздух кажется влажным и липким, как мыльная пена, которая остается на коже, когда моешься в ванне последним и воду уже сложно назвать чистой.

Но Двери, точно подозреваемые в дешевых детективах, часто обнаруживаются в самых неожиданных местах.

Я оказалась в Кентукки только потому, что мистер Локк взял меня с собой в деловую поездку. Он сказал, мол, для меня это будет «настоящим подарком» и «шансом узнать, как все устроено», но на самом деле причина заключалась в другом: моя нянька находилась на грани нервного срыва и за прошедший месяц уже четыре раза грозилась уволиться. В то время я была трудным ребенком.

Или, может, мистер Локк просто хотел поднять мне настроение. На прошлой неделе пришла открытка от моего отца. На ней изображалась смуглая девочка с остроконечным головным убором из золота на голове и недовольным выражением на лице. Надпись сбоку гласила: «НАЦИОНАЛЬНЫЙ БИРМАНСКИЙ КОСТЮМ». На обороте

обнаружились три аккуратные строчки, выведенные коричневыми чернилами: «Задерживаюсь, вернусь в октябре. Думаю о тебе. Дж. С.». Мистер Локк прочитал послание поверх моей головы и неловко похлопал меня по плечу — мол, не вешай нос.

Неделю спустя я уже тряслась в спальном вагоне, отделанном бархатом и деревом и похожем на гроб, читая «Братьев Роверов в джунглях», пока мистер Локк просматривал деловую рубрику газеты «Таймс», а мистер Стерлинг сидел, уставившись в пространство пустым взглядом образцового камердинера.

Пожалуй, я должна отдельно представить мистера Локка. Ему было бы неприятно вот так незаметно, бочком, проскользнуть в эту историю. Итак, знакомься: мистер Уильям Корнелиус Локк, без малого миллиардер, сколотивший огромное состояние своими силами, глава фирмы «У. К. Локк и Ко», владелец целых трех величественных особняков на восточном побережье США, ярый сторонник Порядка и Благопристойности (эти слова он непременно потребовал бы написать с заглавной буквы — взять хотя бы эту букву «Б», похожую на даму, которая уперла руку в бок) и председатель Археологического общества Новой Англии — это что-то вроде клуба для богатых и влиятельных людей, по совместительству коллекционеров-любителей. Я называю их любителями, поскольку в кругу обеспеченных людей принято говорить о своих увлечениях пренебрежительным тоном, отмахиваясь от них

легким движением руки, — как будто признать, что они всерьез занимаются чем-то кроме преумножения своих капиталов, для них означает оставить несмываемое пятно на собственной репутации.

По правде говоря, я иногда подозревала, что мистер Локк только затем и преумножал капиталы, лишь бы иметь средства на удовлетворение своей страсти к коллекционированию. Его особняк в Вермонте — тот, в котором он действительно жил, в отличие от других двух сооружений, пустовавших и построенных для демонстрации значимости владельца, — представлял собой огромный частный музей, настолько плотно набитый артефактами, что, казалось, сами стены состоят из них, а не из камня и цемента. Экспонаты хранились безо всякой системы: статуи широкобедрых женщин, высеченные из известняка, соседствовали с индонезийскими резными ширмами, похожими на кружево, а обсидиановые наконечники стрел лежали в одной витрине с засушенной рукой воина из племени эдо. (Я ненавидела эту руку, но всякий раз не могла отвести от нее взгляда, представляя, как она могла выглядеть, когда была живой и мускулистой, и что подумал бы ее владелец, если бы ему сказали, мол, когда-нибудь одна маленькая девочка в Америке будет смотреть на его высохшую длань, даже не зная его имени).

Мой отец занимался полевыми исследованиями по заказу мистера Локка. Его наняли, когда

я была еще маленьким, размером с баклажан, ребенком, закутанным в старый дорожный плащ.

— Твоя мать только-только умерла — так печально, — любил повторять мистер Локк. — И вот твой отец — ты только представь, одетый как чучело, с кожей странного цвета, с татуировками на руках — остался в какой-то глуши с младенцем на руках. Я сказал себе: «Корнелиус, этому человеку нужно помочь!»

Отец поступил к нему на службу в тот же день и отправился бродить по миру в поисках предметов «особой ценности», которые он отсылал мистеру Локку, а тот раскладывал по витринам с латунными табличками и кричал на меня, когда я трогала экспонаты или ухитрялась стащить ацтекские монеты, желая разыграть с их помощью сцену из «Острова сокровищ». Ну а я жила в маленькой серой комнатке, изводила нянек, нанятых мистером Локком, чтобы те воспитывали меня, и ждала возвращения отца.

В семь лет я гораздо больше времени проводила с мистером Локком, чем с папой, и даже любила его, насколько возможно любить человека, который, казалось, родился в костюме-тройке.

По своему обыкновению мистер Локк снял для нас номер в лучшем отеле. В штате Кентукки таковым оказалась огромная деревянная гостиница, раскинувшаяся на берегу Миссисипи. Это здание построили люди, которые явно хотели открыть гранд-отель, но ни разу в жизни его не видели. На стенах были яркие обои в полоску, повсюду

висели электрические люстры, но из-под половиц доносился неприятный рыбный душок.

Мистер Локк отмахнулся от управляющего, как от мухи, бросил что-то вроде: «Присмотрите за девочкой, будьте добры», — и прошагал в вестибюль. Мистер Стерлинг неотвязно следовал за ним, как собака в человеческом облике. Локк поприветствовал господина с бабочкой на шее, который дожидался его, сидя на диване с цветастой обивкой:

— Губернатор Докери, как я рад вас видеть! Я, поверьте, с живейшим интересом прочитал ваше недавнее послание... Как ваша коллекция черепов? Пополняется?

Так вот зачем мы сюда приехали! Мистер Локк решил встретиться с одним из своих приятелей из Археологического общества, чтобы весь вечер выпивать, курить сигары и хвастаться новыми приобретениями. Каждое лето в особняке Локка проводилось ежегодное собрание всего общества — роскошная вечеринка, после которой члены общества удалялись на скучное закрытое совещание, куда ни меня, ни даже моего отца не допускали. Но истинные энтузиасты, будучи не в силах ждать целый год, искали встреч друг с другом, как только подворачивалась возможность.

Управляющий взглянул на меня и выдавил испуганную улыбку, выдающую в нем человека без детей. Я во весь рот улыбнулась ему в ответ.

— Пойду погуляю, — уверенным тоном заявила я.

Управляющий заулыбался еще отчаяннее, моргая в нерешительности. Я всегда вызываю у незнакомцев замешательство: моя кожа странного красновато-медного оттенка, будто покрытая слоем кедровых опилок, но глаза округлые и светлые, а одежда дорогая. Кто же я? Избалованная хозяйская любимица? Прислуга? Что делать несчастному управляющему? Предложить мне чаю или отправить меня на кухню к горничным? Я относилась к разряду людей, которых мистер Локк называл «пограничными явлениями».

Я опрокинула высокую вазу, неискренне ахнула: «О боже!» — и ускользнула, пока управляющий ругался и вытирал воду собственным пиджаком. Я выбежала за дверь... (Ну вот, это слово проникает в описания даже самых обыденных ситуаций. Иногда мне кажется, что *двери* прячутся в складках каждого предложения. Глаголы служат им петлями, а каждая точка — это ручка двери).

Здесьние улицы представляли собой высушенные солнцем полосы грунтовых дорог, которые, пересекаясь между собой, вели к грязной реке. Однако жители городка Нинли прохаживались по ним с таким видом, будто это и впрямь были настоящие улицы. Когда я проходила мимо, все эти люди смотрели на меня и что-то бормотали.

Скучающий портовый грузчик толкнул локтем своего приятеля и указал на меня пальцем:

— Ты глянь, девчонка из племени чикасо.

Второй покачал головой и предположил, опираясь, видимо, на свой богатый опыт общения с индейскими девочками:

— Скорее из западных племен. Или полукровка.

Я прошла мимо. Окружающие вечно строили такие догадки, пытаясь отнести меня к тому или иному племени, но мистер Локк уверял, что все они одинаково ошибаются. Он называл меня «совершенно уникальным экземпляром». Однажды, услышав замечание одной из горничных в мой адрес, я спросила у него, считаюсь ли я цветной. Тот фыркнул:

— Твоя кожа необычного цвета, но цветной тебя не назовешь.

Я толком не понимала, как именно можно определить, цветной ты или нет, но, услышав тон, которым мистер Локк произнес это слово, порадовалась, что таковой не являюсь.

Когда со мной был отец, на нас обращали еще больше внимания. Его кожа темнее моей, красно-коричневая, блестящая, а глаза совсем черные, и даже на белках виднеются бурые прожилки. Добавьте ко всему этому татуировки — чернильные спирали, вьющиеся от запястий вверх по руке, — потрепанный костюм, очки, странный акцент и... Короче говоря, на нас откровенно пялились.

И все же я жалела, что его со мной нет.

Я так сосредоточенно шагала вперед, изо всех сил стараясь не смотреть на все эти белые лица, что в итоге столкнулась с кем-то.